

Второстепенные члены предложения в школьном курсе русского языка: аспекты изучения и трудности анализа

Е. И. Гаврилова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация.

Статья посвящена проблемам изучения второстепенных членов предложения в школе. Обращается внимание на многоаспектность членов предложения и связанную с этим непоследовательность в трактовке второстепенных членов предложения в школьном курсе синтаксиса. Особо обозначаются случаи синкретизма второстепенных членов предложения, его причина и возникающие в связи с этим трудности синтаксического разбора предложения.

Ключевые слова:

методика синтаксиса, второстепенные члены предложения, структурные и семантические признаки, определение, дополнение, обстоятельство, синкретичные второстепенные члены предложения.

Для цитирования:

Гаврилова Е. И. Второстепенные члены предложения в школьном курсе русского языка: аспекты изучения и трудности анализа // Педагогический ИМИДЖ. 2018. № 2 (39). С. 48–56.

Дата поступления
статьи в редакцию:
10 мая 2018 г.

В основе синтаксического разбора предложения лежит знание системы членов предложения и особенностей их представления в высказывании. Эти знания обеспечивают умение распознавать главные и второстепенные члены предложения, определять границы членов предложения, обнаруживать синкретизм членов предложения, что в конечном итоге формирует осознанное отношение к продуцированию собственных

высказываний и к анализу чужой и своей устной и письменной речи. Именно синтаксический разбор предложения синтезирует лингвистическую, языковую и коммуникативную компетенции, поскольку демонстрирует через определение участия языковых единиц в роли членов предложения владение учащимися навыками формулирования мысли и её вербализации в письменной речи: «Методика изучения членов предложения <...>, отбор дидактического материала для упражнений и т. д. определяется в первую очередь лингвистической природой членов предложения, а также их значением в развитии мышления и речи учащихся, в формировании практически важных умений и навыков» [2, с. 17].

Как известно, несмотря на различные подходы к изучению членов предложения в русистике [2, с. 5–16; 5, с. 150–157], вплоть до отказа от термина «члены предложения» [7], система членов предложения традиционно и последовательно изучается и в школьном, и в вузовском курсе синтаксиса русского языка. Однако, если в вузе к членам предложения подходят как к многоаспектному компоненту предложения, то в школьной практике, как правило, преобладает формальный подход к разбору предложения: подчёркивание, обозначение частеречного способа выражения и графической фиксации порядка следования членов предложения (так называемая схема простого предложения). Необходимость использования при анализе сказуемого в школьном курсе русского языка не только структурного (формального), но и семантического подхода, который вскрывает сущность сказуемого как главного члена предложения (его информативного центра) и обуславливает его типологию, уже была нами отмечена [4]. Поэтому цель данной статьи – выявить аспекты изучения второстепенных членов предложения в школьном курсе синтаксиса, определить, помогают ли они учащимся дифференцировать второстепенные члены предложения, и обозначить трудности анализа второстепенных членов предложения.

Как справедливо замечает В. В. Бабайцева, в школьной практике преподавания русского языка нет необходимости представлять всеобъемлющий анализ членов предложения: «Члены предложения, как и само предложение, многоаспектны, поэтому глубокое и всестороннее изучение их предполагает учёт всех аспектов членения предложения, что практически в условиях школы <...> неосуществимо» [2, с. 17].

И первое, с чего необходимо начать изучение членов предложения, вообще, и второстепенных членов предложения, в частности, – это определить само понятие членов предложения. Ни в одном школьном учебнике русского языка нет определения членов предложения, и сформулировать его довольно трудно без опоры на справочные и учебные пособия. Так, по определению учебного словаря Т. В. Матвеевой, члены предложения – «это компоненты предложения, выражающие синтаксические отношения и находящиеся между собой в определённых синтаксических связях. Члены предложения выражаются знаменательными словами или словосочетаниями, имеют определённые взаимозависимые формальные и семантические признаки» [6, с. 398]; как структурно-семантические компоненты предложения трактует члены предложения и В. В. Бабайцева и обозначает их структурные и семантические свойства [2, с. 19–20]. Эти определения позволяют сосредоточить внимание на двух – акту-

альных именно для школьного курса синтаксиса – аспектах изучения членов предложения: структурном и семантическом.

Семантика второстепенных членов предложения включает в себя категориальное и частное значения, а с точки зрения структурных признаков приоритетными являются следующие: способ выражения (не только соотносённость с частью речи, но и функционирование языковых единиц в роли членов предложения: словоформы и словосочетания), вид синтаксической связи (согласование, управление или примыкание) и синтаксическая позиция.

Рассмотрим, как представлен каждый из второстепенных членов предложения в школьных учебниках и отражены ли в них указанные семантические и структурные признаки.

Определение в школьных учебниках трактуется с точки зрения его семантики, категориального значения, как второстепенный член предложения, обозначающий качества, свойства и признаки предметов и явлений [1; 8; 9; 10]. Далее учебники при помощи постановки вопроса конкретизируют эти значения, обозначая, по сути, частные, речевые, значения определений: например, учебник Л. А. Тростенцовой, Т. А. Ладыженской и др.: «Определения, отвечающие на вопрос *какой?*, указывают на различные признаки предметов, например на качество, размер, форму, свойства, материал, из которого изготовлен предмет. <...> Определения, отвечающие на вопрос *какой?*, указывают на порядок предметов при счёте. <...> Определения, отвечающие на вопрос *чей?*, указывают на принадлежность предмета» [9, с. 81].

После этого теоретический материал учебников представляет структурные признаки определений – их разновидности (согласованное, несогласованное и приложение) с опорой на способы их выражений и синтаксическую связь. Наиболее системно описываются согласованные и несогласованные определения, что, на наш взгляд, определяется их более прочной и понятной связью с синтаксисом словосочетания: согласованное определение связано с определяемым словом посредством согласования и стоит в том же роде, числе и падеже; несогласованное определение связано с определяемым словом управлением или примыканием и выражается существительными в косвенных падежах, личными местоимениями, инфинитивом, наречием, устойчивыми словосочетаниями [1, с. 214–215; 8, с. 69–71; 9, с. 82–83; 10, с. 65]. Приложение среди разновидностей определений стоит особняком, а в учебнике Л. М. Рыбченковой и др. даже не выделяется такой вид определения (о приложении говорится только в разделе «Обособленные члены предложения»). Приложение определяется тоже со структурно-семантической стороны: как определение, выраженное существительным в том же падеже, что и определяемое слово, «по-новому характеризует предмет, давая ему другое название» [10, с. 65]. Понятие аппозитивной связи как параллельного употребления двух или более существительных в одном падеже в школьном курсе синтаксиса не изучается, поэтому непосредственных сведений о связи приложения с определяемым словом в школьных учебниках нет.

Как видно, теоретические сведения об определении представлены достаточно полно, и это, без сомнения, формирует у учащихся умение опознавать определение и производить его анализ: определять его частеречную принад-

лежность и разновидность. Однако, несмотря на исчерпывающую информацию, возникает несколько проблем, демонстрирующих, с одной стороны, непоследовательность в изучении определения, с другой – трудности анализа этого «лёгкого» второстепенного члена предложения: 1) следующие после теоретической части упражнения, как правило, направлены лишь на выяснение структурных признаков определений (определение вида определения), а частное значение определений забывается; 2) выявление синкретизма несогласованных определений (сочетание значений дополнения или обстоятельства) базируется только на задавании вопросов от определяемого слова к определению: *мысль (о чём? какая?) о бегстве, путь (какой? к чему?) к совершенству, дом (какой? где?) в деревне*. Очевидно, что подобные несовершенства не ведут к ясности понимания грамматической специфики члена предложения, особенно его синкретизма, так, от слова *дом* к словоформе *в деревне* можно задать и падежный вопрос *в чём?*, что создаёт ещё большие сложности.

Синкретизм определения (как и других второстепенных членов предложения) можно объяснить, если принять во внимание последний структурный признак членов предложения, не актуализированный в школьном курсе синтаксиса, – синтаксическую позицию члена предложения. Об этом вскользь говорится в учебнике В. В. Бабайцевой «Русский язык. Теория. 5–9 кл.», в котором представлен своеобразный алгоритм выявления второстепенных членов предложения: «Чтобы определить вид второстепенного члена предложения, нужно найти слово, от которого оно зависит [т. е. обозначить его синтаксическую позицию – *Е. Г.*], выяснить, что он обозначает, на какой вопрос отвечает и какой частью речи выражен» [1, с. 214]. Как видно, данные пошаговые действия квалификации второстепенных членов предложения основываются на их структурно-семантических свойствах, однако далее второстепенные члены предложения интерпретируются, помимо их определения, лишь с опорой на задавание вопроса и способ их частеречного выражения, а вопрос о синтаксической позиции второстепенного члена предложения в учебнике практически не развивается.

Синтаксическая позиция члена предложения базируется на валентности (сочетаемости возможностей) определяемого слова: категориальной – способности слова, относящегося к определённому классу слов (части речи), сочетаться со словами другого класса (части речи); и лексико-семантической, зависящей от характера того явления, которое слово обозначает, т. е. возможности его конкретизации [3, с. 651–654; 7, с. 14–16]. Так, категориальная валентность существительного проявляется в способности сочетаться с прилагательными, порядковыми числительными, причастиями и местоимениями-прилагательными, а лексико-семантическая валентность существительного, обозначающего конкретный бытовой предмет, – в том, что этот предмет может быть охарактеризован по качественному признаку, по назначению, по материалу, по принадлежности и т. д. Синтаксическая позиция определения – присубстантивная, что, как видно, обусловлено в первую очередь категориальной валентностью существительного, поэтому согласованное определение – наиболее типичное, морфологизированное определение, поскольку для обозначенных выше частей речи функция определения является первичной.

Трудными для анализа оказываются несогласованные определения, выраженные предложно-падежными формами существительных, например, *луч прожектора, годы войны, пирожки с капустой, куртка из кожи, воспоминания о молодости, строительство кораблей, стиль Куприна*. Для того чтобы выявить, какими членами предложения являются присубстантивные словоформы, необходимо опираться на лексико-семантическую валентность определяемого существительного: если это существительное конкретное (*луч прожектора, годы войны, пирожки с капустой, куртка из кожи*), то зависимую словоформу следует квалифицировать как несогласованное определение; если существительное абстрактное, отглагольное или в его значении есть семантика интеллектуальной деятельности, то зависимое существительное будет выполнять роль не определения, а дополнения (*воспоминания о молодости, строительство кораблей, стиль Куприна*). Синкретизм более свойствен определениям с обстоятельственной семантикой, например, *прогулки по вечерам, поезд из Казани, жизнь в деревне, лестница наверх*, и обусловлен он столкновением структурных и семантических признаков членов предложения: присубстантивная позиция, свойственная определениям, и временная или пространственная семантика, свойственная обстоятельствам.

Дополнению как второстепенному члену предложения в школьной трактовке повезло меньше всего. Оно определяется, по сути, без опоры на синтаксис, как, например, в учебнике Л. А. Тростенцовой, Т. А. Ладыженской и др.: «Дополнение – второстепенный член предложения, который обозначает предмет, поясняет сказуемое или другой член предложения и отвечает на вопросы косвенных падежей» [9, с. 73]. Далее в учебниках на основе структурного признака дополнений (способа их выражения) выделяются типы дополнений: прямые и косвенные, и лишь при описании прямых дополнений говорится о семантике дополнения (одном из его частных значений): «Прямые дополнения – это дополнения, обозначающие объект, на который непосредственно направлено действие» [8, с. 72]. Подобная ситуация связана с объёмной семантикой дополнения как компонента высказывания – семантика объекта (очень разнообразная) и субъекта, базирующаяся на падежных значениях существительных, именно поэтому определить категориальное значение дополнения практически невозможно. Падеж же, напомним, понимается как грамматическая категория, указывающая на синтаксическую функцию имени существительного и на его связь с другими словами в высказывании. Так, наиболее типичными частными значениями дополнения являются: прямой объект, на который переходит действие: *Бабушка вяжет шапку* (выражается вин. п.); адресат, в чью пользу совершается действие: *Бабушка вяжет шапку внуку* (выражается дат. п.); инструмент (орудие, средство): *Бабушка вяжет шапку внуку спицами* (выражается тв. п.); объект речи, мысли: *Бабушка думает о внуках* (выражается пр. п. с предлогом *о*) субъект действия или состояния: *Бабушке надо связать шапку*, *Бабушке скучно без внуков* (выражается дат. п.); субъект совместного действия: *Бабушка с внуком пошла в поликлинику* (выражается тв. п. с предлогом *с*). Конечно, это не исчерпывающий список речевых значений дополнений, но именно данные значения показывают роль дополнения в семантике всего высказывания: участие разных объектов и субъектов в представлении ситуации внеязыковой действительности.

Не выдерживает критики и деление дополнений на прямые и косвенные, поскольку дополнение, помимо именных частей речи, может быть выражено и инфинитивом, о чём в школьных учебниках информация есть, но эти сведения об инфинитивных дополнениях либо расположены в абзаце теоретической части, посвящённой косвенным дополнениям [8, с. 73], либо абсолютно неправильны: «В роли дополнения может употребляться неопределённая форма глагола: *просить, умолять, приказывать, разрешать, препятствовать* и др. Например: *Я велел ямщику ехать* (А. Пушкин)» [9, с. 74]. Важно, что инфинитивные дополнения занимают позицию при этих глаголах речевого воздействия (со значением приказа, просьбы, совета и под.): *просить помочь, умолять приехать, приказывать разгрузить, разрешать говорить* – и обозначают объект приказа, просьбы, повеления и т. д.; нередко в практике анализа членов предложения подобные словосочетания вообще трактуются как составные глагольные сказуемые, что, естественно, неверно, поскольку это объектные инфинитивы, обозначающие действие объекта.

О синтаксической связи дополнения и определяемого слова школьные учебники не сообщают; это очевидно и поэтому не представляет трудности: если дополнение выражено косвенным падежом именной части речи, то вид связи – управление, а при инфинитивном дополнении – примыкание.

Синтаксическая позиция дополнения – приглагольная, поскольку дополнения реализуют и категориальную, и лексико-семантическую валентность глагола: распространение действия объектами (участниками ситуации), а их форма обусловлена способностью глаголов управлять именами. На этот структурный признак дополнения обращается внимание в учебнике В. В. Бабайцевой: «Дополнения обычно зависят от членов предложения, выраженных глаголами, причастиями и деепричастиями <...> Дополнения могут также зависеть от членов предложения, выраженных существительными, которые образованы от глагола, и прилагательными» [1, с. 217–218], но последняя часть утверждения не иллюстрируется примерами и не объясняется. Предложно-падежные формы, зависящие от отглагольных существительных, следует рассматривать в качестве дополнений, поскольку отглагольные существительные сохраняют в себе глагольную семантику процесса, деятельности, также эти субстантивные словосочетания легко трансформируются в глагольные, например: *производство машин – производить машины, думы о Родине – думать о Родине, жизнь без любви – жить без любви*. Приглагольная позиция и у обстоятельств, однако синкретизма дополнения и обстоятельства быть не может; помогает дифференцировать дополнение и обстоятельство семантика предлогов, определяющих синтаксическую функцию зависимого существительного: *мечтать о работе* – предложно-падежная форма пр. п. обозначает объект действия и является дополнением; *выйти на работу* – предложно-падежная форма вин. п. обозначает место деятельности и является обстоятельством.

Обстоятельство – единственный второстепенный член предложения, подготовка которого последовательна и системна. Так, в учебнике Л. М. Рыбченковой и др. определение обстоятельства включает все его признаки: «Обстоятельство – это второстепенный член предложения, который обозначает различные обстоятельства проявления действия или признака [семантический признак

(категориальное значение) – *Е. Г.*] Обстоятельства связываются с определяемым словом посредством примыкания и управления [структурный признак (синтаксическая связь) – *Е. Г.*] и обычно подчиняются глагольному слову [структурный признак (синтаксическая позиция) – *Е. Г.*]» [8, с. 76]. Далее во всех учебниках рассматриваются разряды обстоятельств, их частные значения (образа действия, меры и степени, места, времени, причины, цели, уступки, условия), и способы его выражения (наречия, деепричастия и деепричастные обороты, предложно-падежные формы существительных, инфинитивы, фразеологизмы) [1, с. 218–219; 8, с. 76–77; 10, с. 76–78].

Единственное, к чему необходимо привлечь внимание при изучении обстоятельства, так это его приглагольная позиция, именно она помогает разграничить «чистое» обстоятельство и синкретичные члены предложения. Так, в предложении *В лесу мы увидели узкую тропинку.* предложно-падежная форма *в лесу* находится в приглагольной позиции, поэтому является обстоятельством места, а в предложении *Тропинка в лесу была узкой.* эта же предложно-падежная форма – в позиции при конкретном существительном, что даёт основания посчитать этот член предложения несогласованным определением, но пространственное значение этой словоформы сохраняется благодаря пространственному предлогу; и именно в этом случае, когда семантические признаки вступают в противоречие со структурными, проявляется синкретизм члена предложения, и во втором предложении *в лесу* совмещает признаки определения и обстоятельства.

Конечно, за пределами нашего внимания осталось ещё много вопросов и неоднозначных конкретных случаев функционирования второстепенных членов предложения. Но самое главное состоит в том, что при изучении и анализе второстепенных членов предложения (как и главных членов предложения) в школьном курсе синтаксиса необходимо помнить, что в членах предложения как компонентах высказывания сосредоточены как структурные, так и семантические признаки, и приоритет формального подхода, часто заключающийся лишь в определении частеречного способа выражения члена предложения и задавании вопроса, не способствует чёткости разграничения второстепенных членов предложения. Трудности анализа второстепенных членов предложения связаны с их синкретизмом, который во многом объясняется, если опираться на синтаксическую позицию члена предложения. Учитель же должен обладать серьёзной лингвистической и языковой компетенцией, чтобы, с одной стороны, критично оценивать учебный материал при подготовке к урокам, а с другой – помочь учащимся разобраться в трудных случаях интерпретации членов предложения.

Список литературы

1. Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д. Русский язык. Теория. 5–9 кл. : учеб. для общеобразоват. учреждений. М. : Дрофа, 2012. 319 с.
2. Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М. : Просвещение, 1989. 159 с.
3. Белошапкова В. А. Слово как объект синтаксиса // Современный русский язык :

Учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / под ред. В. А. Белошапковой. М. : Азбуковник, 1997. С. 647–656.

4. Гаврилова Е. И. Семантический подход к изучению сказуемого в школьном курсе русского языка // Педагогический ИМИДЖ. 2017. № 4 (37). С. 39–46.

5. Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / отв. ред. М. Я. Дымарский. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 398 с.

6. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М. : Флинта : Наука, 2003. 432 с.

7. Русская грамматика. В 2 т. Т. II. Синтаксис. М. : Наука, 1980. 709 с.

8. Русский язык. 8 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова и др. М. : Просвещение, 2013. 223 с.

9. Русский язык: Учеб. для 8 кл. общеобразоват. организаций / Л. А. Тростенцова, Т. А. Ладыженская и др. М. : Просвещение, 2014. 271 с.

10. Русский язык: Учеб. для 8 класса общеобразоват. учреждений / под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. М. : Дрофа, 2013. 285 с.

Subordinate Parts of a Sentence in the Russian Language School Course: Aspects of Study and Analysis Difficulties

E. I. Gavrilova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. *The article is devoted to the problems of studying the subordinate parts of a sentence at school. In the paper concerns the multidimensionality of the sentence parts and related to that inconsistency in the interpretation of the subordinate parts of the sentence in the school course of syntax. The special attention is paid to the cases of syncretism of the subordinate parts of a sentence, its cause, and the difficulties of the sentence analysis connected to it.*

Keywords: *methodology of syntax, subordinate part of a sentence, structural and semantic features, attribute, object, adverbial modifier, syncretic subordinate parts of a sentence.*

**Гаврилова
Елена Ивановна**

*кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры фило-
логии и методики*

*Педагогический институт,
Иркутский государственный
университет*

*664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Ба-
тора, 9*

*тел.: +7(3952)240700
e-mail: irk-elena@mail.ru*

**Gavrilova
Elena Ivanovna**

*Candidate of Sciences (Philology),
Associate Professor, Associate
Professor the Department of
Philology and Methods*

*Pedagogical Institute,
Irkutsk State University*

9 Sukhe-Bator St, Irkutsk, 664011

*tel.: +7(3952)240700
e-mail: irk-elena@mail.ru*